

Ф. БЕЗЛАЙ

СЛОВЕНСКО-БАЛТИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Когда через несколько лет — будем надеяться — закончится составление Этимологического словаря словенского языка, получим возможность оценить все, что за последнее десятилетие в словенском языке пригодилось для изучения балто-славянского родства. В настоящее время в нашем распоряжении уже находится внушающее количество слов, которых нет в других славянских языках или по крайней мере не найдено нами в доступных исторических или диалектных словарях. Этимологические реконструкции, конечно, довольно различны; наряду с бесспорными можно говорить и о „весьма вероятных“, и о „возможных“. Оценивая весь материал, необходимо привлечь также и другие южнославянские языки, которые более ранними балто-славянскими исследованиями мало учитывались. Насколько нам известно, за последние два десятилетия русские и болгарские исследователи выявили около двадцати пяти болгарских слов с балтийским родством. Недавно вышедший Сербохорватский этимологический словарь Петра Скока этой проблеме, к сожалению, не уделяет никакого внимания. Однако уже из ряда лексических параллелей, общих для словенского языка и западных сербохорватских говоров, — кайкавского и чакавского — можно делать вывод, что в специфическом южнославянском словарном запасе еще имеется необычайно богатый материал для балто-славянских студий.

В первую очередь привлекают внимание основы, неизвестные в других славянских языках. Довольно редки такие слова, как, напр., словенское название растения *svédrec* (один из видов больших альпийских цветов, из специес рода *Gentiana*, *Vinca*, *Erytraea*, *Centaureum*), которое вместе с лит. *švendrė* „*Phragmites communis*“, др.-исл. *hvonn* „*Angelica silvestris*“, дат. *qvander*, н.-ирл. *cuinneog*, брет. *contrán* „*Angelica silvestris*“ и лат. *combrētum* (какое-то пахучее растение) указывает на и.-е. **k'wendhro-* (Fraenkel, LEW 1041 с литературой). В действительности словен. *sveder* — то же самое, что и русс. *свердел*; нам кажется более возможным, что старое название растения влияло на иррегулярное развитие основы *svr̥dbl̥ž* в словенском языке, а не наоборот. До определенной степени словен. *svedrāti* „*sich bohrenartig verdrehen*“ все же влияло на унаследованный фитоним, так как название переносилось на другие виды растений.

Гораздо более многочисленны в словенском языке примеры, когда наряду с общеславянской ступенью аблаута находим и другие — с балтийскими параллелями. В качестве примера здесь можно упомянуть словен. диал. *jerîna* „смешанный с землей песок“ наряду с *jêrič* „щепка“, *jêrcje* „опилки“.

Это сходится с лит. *irti, erdėti* „раздробить, распахать“, лтш. *ėrst* „раздробить“, *iřt* „распороть“. Общеславянские *oriti, raz-oriti, ob-oriti* сравниваются с лит. *ardyti*, лтш. *ārdit* „растопить, раздробить, разорвать“ (Trautmann, 12; Meillet, MSI IX 143 и т.д.). Следует отметить, что на сербохорватском востоке, в Височской Нахии и при реке Колубаре появляются микротопонимы *Jerunica, Jerinjak, Jerinjača*, для которых мы до сих пор не могли найти соответствующих апеллятивов. Аналогичный пример — словен. диал. *pāl (m.)* и *pāl (f.)*, род. пад. *palī* „Schlamm“ (восточно-штирийское, прекмурское) наряду с глаголом *paliti* „mit Schlamm überziehen, покрыть грязью“ и микротопонимы *Pali, Pale, Palovje, Palovci* (Лютомер). Без большого риска сюда можно причислить и название болотистого озера Палич (на север от Белграда) и около 1300 года записанный македонский микротопоним *Паличь*. В новейшее время Н. И. Толстой (Славянские географические термины 202) указал на русс. диал. *най* „окно в болоте“ (Полесье) из *паль*, которое наряду с русс. *водополье* является интересным дополнительным материалом к лит. *pālios* „болото“ и т.д.

Если мы имеем словен. *ježiti, ježim* „лущить, очищать от шелухи“ и лит. *aižyti, iėžti* „лущить“, *aižeti* „быть очищенным“, то все же остается открытым вопрос, когда и в каком славянском диалекте мы найдем подобное слово как дополнение к этой лексической параллели. Сравнение, напр., словен. *ožānes* „Teucrium scordium, дикий чеснок“ с лит. *gėda* „стыд, позор“ через др.-польск. *žadny* „гнусный“, *žadac sie* „гнушаться“, словен. *žadny* „гнусный“ (из **gėd-*) нам представляется более надежным, чем непосредственное сравнение данных словен. и лит. слов.

Для сопоставления укр. *ribuj* „пёстрый“ с лит. *raibas* „рябой, пёстрый“, лтш. *rāibs* „пёстрый“, др.-прусс. *roaban* „полосатый“ словенское диал. *ri-bast* „полосатый“ является подтверждением правильности старой этимологии. Но словен. *jėca* „смесь ячменя и ржи“ могло бы остаться все же сомнительным в отношении его связей с лтш. *ancīši* „Agrimonia eupatoria“ (это в словенском языке называется *stoklasa* „хлебный сорняк“), если бы в белорусском не нашлось *еча, коньска еча* „плохое жито, которое дают коням в корм“, ср. также кашуб. *końsk'i jicmónk* „stoklasa, Hordeum“ (все из и.-е. **ayk-*, как и общеславянское *ječъtu*). Mühlenbach-Endzelin I 71 объясняет лтш. *ancīši* из антропонима *Añcis* „Hans“. Такие параллели, которых можно привести еще несколько десятков, сами по себе интересны, но неожиданны. Они свидетельствуют лишь о том, что разные праславянские диалекты или, может быть, уже более заметно дифференцированные праславянские языки во время своего смешения на Балканах оставили локализмы, которые на славянском севере лишь отчасти сохранились. Гораздо более неожиданны слова, которые по своей фонетической структуре более тесно соприкасаются со специфичным балтийским языковым развитием.

Уже несколько лет тому назад нами было указано на словенское диал. *sěl (f.), sělje (n.)* „жито, зерно“ в северноштирийских говорах. В соседнем прекмурском диалекте, где „ять“ не может дать *-u-*, говорят *silje (n.)*. Литовский язык знает две формы: *sėkla* (что указывает на **sė(i)-tla*) и *sekla* (из **sej-tla*). Так как словенское „ять“ против „и“ не может быть объяснено дру-

гим способом, то здесь остается учитывать балтийскую и словенскую дублетность. Словенское название растения *rêšek* „*Sonchus asper*“ уже раньше сравнивалось с лит. *erškėtis* „Dorn. strance, терновник“, лтш. *ērškis, ērkš(k)is* „Dornstrauch, шип, колючка“. Никто при этом не обратил внимания на далматинское *rêkeš* „*Eryngium*“ (Дубровник), т.е. на другой вид чертополоха. Или соотношение *-šk-* с *-kš-* является результатом самостоятельного южнославянского развития, или же это представляет собой метатезу балтийского типа? Поскольку у нас больше нет таких примеров, затрудняемся дать ответ на этот вопрос. Для праславянской грамматики важен незамеченный до сих пор факт соответствий: лит. *skrabėti* „шуметь“, лтш. *skrabēt* „глодать, грызть“, лит. *skrebėti* „скрипеть“, лтш. *škrebėlis, skreblis* „ворчун“, лит. *skribti* „околевать, издыхать“, лтш. *skribīt* „лущить, скребать“ (в редуцированной ступени) и словенские (во всех трех ступенях аблаута) *hróbati, hróbiti* „глодать“, *hrébatī, hrebetáti* „скрипеть, хрипеть“ и *hřbati, hřbam* „глодать, грызть“. В словенском языке одновременно существуют все три ступени аблаута с начальным *sk-*: *škróbati* „царапать, грызть“, *škrébatī* „грызть, брэнчать“ и *škřbati* „грызть“; кроме того, имеется и словен. форма (с *-ā-* ступенью) *škrábati*, ср. лит. *skróbti* „осушиться“. Формы без начального *s-* в лит. *krabždėti* „шуметь“, лтш. *krabināt* „звенеть“ полностью соответствуют словенскому *krábati* „царапать“. Таким образом, для балтийского начального *sk-* существуют в славянских языках два разных рефлекса: отчасти *x-*, а также *ск-*. Следовательно, мы можем предполагать два разных праславянских диалекта. Позднее в славянских диалектах чаще всего сохранилось лишь одно изолированное слово с этой же основой, поэтому его этимологически объясняли по-разному. Это представляет собой важное указание для возникновения праславянского начального *x-*. В пользу того, что *x-* мог возникнуть также и из *ск-*, хочу привести словен. *hrmēstavec* „хрящ“, серб.-хорв. (кайкавское) *hrmestavac* „то же“ в их сравнении с лтш. *skrumslis* „хрящ“. Это довольно убедительные данные для ревизии соответствующей главы праславянской грамматики.

Весьма интересен пример — словенское название растения *njûnje, njûnka* „*Crocus albiflorus; Colchicum autumnalis*“. Для этих двух растений в чешском и словенском языках имеется термин: словен. *ocûn*, чешск. *ocûn*, что Коржинек (ЛФ 65, 443) правильно выводил из **ot-jun* „снова молодой“ (самое древнее значение препозиции *ot-* такого, что и лит. *at-* „wiederum“). На восточных Балканах для того же растения мы находим серб.-хорв. *kácun*, болг. *качун*, по Махеку — из **ko-ot-junъ*. Учитывая то, что в др.-прусс. *pauns* „молодой, новый“ и в лтш. *jaûns* „молодой, новый“ совпали две разные основы (ср. лит. *jaûnas* „молодой“ и *paûjas* „новый“), можно и для словенского *njûnje* предполагать подобное сращение — *njaunos* „молодой“ и „новый“. В некоторых славянских языках наряду с *junъ* „молодой“ необходимо предполагать также и формы **in* и **ninъ*. Польскому *Inowłodz, Inowroclaw* соответствует в словенском антропоним 871 *Ingo, Inko* и апеллятив *ina, hina* „утренняя заря“, сербский антропоним Инош (1348), Иношевич. Кроме польского *Ninogniew, Ninomysl*, в словенском известны фамилии Нинич, Нинкович, а в сербском — Нинослав, Нинослава (в XIII в.) Славистические и балтис-

тические комментарии до сих пор ограничивались лишь примерами старопольскими. Южнославянский материал бросает на эту проблему существенно новый свет.

В последнее время наше внимание вновь привлекла проблема словенского *îr* (m.) *îr* (f.), которое указывает на старую мужскую основу *-u-*: **irij* „омут“ наряду с (*vyrijb* в XVI в.) *viry* (Трубар), диалектное *verfj*, *berfj* и т.д. (в том же значении), ср. лит. *jūrūoti* „wogen“, которое по значению совпадает с словен. *irīti*, *jerīti*, *jarīti se* „Wellen bilden, schäumen“ и соотносится с др.-прусс *iūrin* „море“ и *wurs* „колодец, пруд“ (в обоих случаях — и.-е. *ūr-*, представляющее редукционную ступень к и.-е. **euar(i)-* „вода“). В славянском ожидалось бы **vyr-*, ср. русс. диал. *вырь* „омут“ и речные названия *Вырий*, *Вырья*, *Вырьянка*, ср. славянское *vy* (и.-е. **iūs*). Рефлекс **irijb* можно объяснить только: **jurijb* > **jirijb* > **irijb*. Тип, представленный в словен. *îr* и *virij*, мы видим и в древнерусском: *урий* (*vyrij*) „страна, куда осенью улетают птицы“, ныне украинское *вирей*, *вирай*. Не исключено, что оба слова одинакового происхождения. По некоторым данным, до сих пор еще весьма скромным, в народных представлениях русского Полесья перелетные птицы осенью тонут в воде, и в немецкой Австрии наряду с крутыми скалами, называемыми *Jungfernsprung*, участки около глубоких омутов под ними называются *Himmelreich*, что, по всей вероятности, — перевод славянского альпийского *irijb*, *vyrijb*. Фасмер выводит русс. *irijb* из иранск. **airiā*; однако уже из Поучения Владимира Мономаха (в хронике Нестора) можно убедиться, что *irijb* — „нижний мир“, а не „теплая южная страна“.

В словенском и в других южнославянских языках наблюдаются параллели также в функциях разных грамматических форм. Из таких примеров хочется привести лит. *apjakti* „ослепнуть“ (*api+ak-*). Тем же способом образовалось и серб.-хорв. *обушити* „оглушить“, ср. целый ряд словенских глаголов с абессивным значением — *omagati*, *obupati*, *obekniti*, *okupiti se*, *omenjati se*, *okaniti se* (они считались германизмами; см. так же Копечны, Этим. слов. I, 137, который придерживается старой, для нас уже неприемлемой точки зрения). К сожалению, для исследования подобных явлений в функциях отдельных грамматических категорий необходимо практически овладеть балтийскими языками, а также хорошо знать основные славянские языки. Для этого очень важно, чтобы завязалось тесное сотрудничество между каким-либо балтийским и южнославянским университетами.

В этом кратком сообщении прежде всего указывалось на фонетические проблемы, которые в стандартных балтийских и праславянских грамматиках недостаточно учтены или по крайней мере не всесторонне исследованы. Хочу при этом упомянуть аблаут *-ō-* против *-eu-/-ei-*. Славистика о нем все еще молчит, но в южнославянских языках имеется уже несколько десятков примеров типа словен. *dabra* „место, где много воды“, ср. лтш. *Duobe*, др.-прусс. *Doben*. Некоторые примеры этого рода в последние годы мы обнаружили и в других славянских языках. Лужицко-сербс. *jatšy*, *wjatšy* „пах“ и в кашуб. *jatre* (с одинаковым значением) современный славянский лексиколог должен рассматривать не как заимствования из германского, а как регулярные рефлексы **ōstro-*: **austro-* (которые можно найти и в словенских диалектах).

На основании нашей публикации в *Linguistica VIII* (1968) здесь хочется отметить следующее. С балтийской основой *smel-* связывают только общеславянское *смола* и (с долгой ступенью *-ō-*) севернославянское *smaliti*. Словенский язык знает, кроме того, и *mêl* (m.) „вид дуба“, ср. гр. *meliē* „*Fraxinus*“, лит. *smelùs* „пепельно-серый“; к этой основе, видимо, не относится словен. *noga mi melje* „нога онемела“, лит. *kójas pamielo* „то же“. Но словен. *maléti* „болеть“, напр., *mali mi pred očmi* „в глазах темно“, *zmaléti* „похудеть“, *zamálka* „опухшие лимфные железы“, по значению соответствует литовскому *smélkti*. Долгую ступень *-ē-* показывает словенское диалектное *miljáva* „жар“, ср. лит. *smelėti* „тлеть“. Удлиненной основе *smelk-* соответствует словен. *mléčje* „шлак“; (*-ō-* ступень) словен. *mláčen* „тепловатый, вялый“, серб.-хорв. и болг. *млак*; (редуцированная ступень) словен. *zamólkel* „глухой, смутный, тёмный“ соответствует литовскому *smilkti* „куриться, тлеть, дымиться“, а словен. *mólkel* „хриплый“ и серб.-хорв. *промући* „охрипнуть“, так же (другому) литовскому *smilkti* „отвердеть, кольнуть, испытать боль“. Для иллюстрации достаточно одной такой основы. Параллели в языках идут так далеко, что, напр., литовская детская игра *kiaulę varýti dvaran* называется сербохорв. *ћулати* (что даже этимологически соответствует литовскому *kiaulė*), а словен. *svinjko biti*. Учитывая лексические параллели, мы должны искать параллелей и в ономастике (напр.: топоним *Veržej*), и даже в мотивах народных песен.